

А. А. ШАЙКИН

Окружение князя в «Повести временных лет»

Воеводы и посадники

В «Повести временных лет»¹ (ПВЛ) в ряде случаев около древнерусского князя присутствует фигура воеводы. Воевода мог быть в какой-то степени независим от князя, особенно воевода X в. Существует мнение, согласно которому князь выполнял в основном жреческие и правовые функции, воевода же — функции военного и отчасти гражданского руководителя.² Конкретные материалы ПВЛ вряд ли могут свидетельствовать в пользу этой, возможно справедливой для более раннего времени или иных регионов, гипотезы. По наблюдениям А. Е. Преснякова, воевода не был независимой фигурой, не имел своей дружины, назначался князем для руководства ополчением «воев», которое собиралось для конкретных целей.³ Однако воеводы IX—X вв. были более крупной и самостоятельной силой. Б. А. Рыбаков полагает, что воеводы были предводителями варяжских отрядов,⁴ вольных поступать по своему усмотрению. Материалы ПВЛ, на наш взгляд, свидетельствуют, что первоначально они были своеобразным местным балансом, «земельным» противовесом князю-чужаку.⁵ По мнению М. Б. Свердлова, князем мог быть избран человек иной этни-

¹ Поскольку в статье нас интересует не специфика того или иного списка ПВЛ, а, так сказать, типологические качества текста, используем памятник по изданию 1950 г., т. е. Лаврентьевскому списку с продолжением от 1110 г. до 1117 г. по Ипатьевскому и конъектурами из других списков: *Повесть временных лет*. М.: Л., 1950. Ч. 1. С. 26. Далее ссылки на это издание даются в тексте. При ссылках на вторую часть указывается: Ч. 2.

² См.: *Геденов С.* Варяги и Русь. СПб., 1876 Ч. 1. С. 390; *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги: (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // *Славяне и скандинавы*. М., 1986. С. 195.

³ *Пресняков А. Е.* 1) Кормилец, воевода, тысяцкий // *ИОРЯС*. СПб., 1908. Т. 13, кн. 1. С. 162—163; 2) Княжое право в древней Руси. СПб., 1909. С. 192—193.

⁴ Во всяком случае воеводу Свенельда Б. А. Рыбаков безоговорочно считает варягом, хотя и не приводит никаких соображений по этому поводу. См.: *Рыбаков Б. А.* 1) *Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.* М., 1982. С. 184, 326, 327, 384; 2) *Древняя Русь: Сказания, былины, летописи*. М., 1963. С. 180. Между тем еще А. А. Шахматов стремился доказать, что Свенельд и Лютый Мстислав (Мстиша-Люг) — «народные герои», предводители древлян (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 366—373).

⁵ См. наблюдения о бинарности власти у индоевропейских народов, сохраняющей оппозицию «внешний», «приглашенный» / «внутренний», «свой», где первым членом являлся князь, а вторым — воевода. *Соловьев К. А.* Легитимность государственной власти в Древней Руси IX—XIII вв. // *КЛИО: Межвузовский журнал для ученых*. СПб., 1997. № 1. С. 68—70.

ческой принадлежности, относительно воеводы о таких допущениях не говорится, отмечается лишь, что воеводой мог быть избран и не знатный человек, если он обладал соответствующими качествами.⁶

По своему моральному облику воеводы могут быть и «злодеями», изменниками, сеющими гибель, но могут быть и верными помощниками, организаторами «добрых дел».

В начальной части летописи преобладают воеводы-злодеи. Мрачная фигура Свенельда, так или иначе причастного к гибели трех князей: Игоря, Святослава и Олега древлянского.

Дружина Игоря позавидовала богатству воинов Свенельда («Отроки Свѣньльжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази» — ПВЛ. С. 39), что и побудило князя отправиться добывать дань у древлян и повлекло его гибель. Отсюда видно, что воевода мог иметь собственную дружину, независимую от князя, и его дружина могла быть снаряжена лучше («оружьем») и богаче («порты») княжеской.⁷ Новгородская первая летопись младшего извода (Н1Лм) содержит некоторые пояснения к ситуации, зафиксированной в ПВЛ. Н1Лм под 6430/872 г. сообщает, что земли угличей и древлян Игорь отдал Свенельду: «...и примучи Угльчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣньделду ... И дасть же дань деревьскую Свѣнделду, и имаша по чернѣ кунѣ от дыма». Именно поэтому дружина Игоря возроптала: «...се даль еси единому мужевѣ много». Затем под 6448/940 и 6450/942 гг. опять повторяется, что Игорь передал дань с этих земель Свенельду, а уже затем идет фраза, сохранившаяся и в ПВЛ: «...ркоша дружина ко Игоревѣ» и т. д.⁸ Кстати, и в Н1Лм, и в ПВЛ Свенельд в этом эпизоде противопоставлен Игорю — значит ли это, если следовать Б. А. Рыбакову, что один варяг противопоставлен другому? Уместнее предположить, что они противопоставлены по принципу «свой / чужой» и в этом противопоставлении присутствует и этнический аспект. Если Игорь — варяг (сын Рюрика), то, следовательно, Свенельд — не варяг.

Воевода имеет право принять самостоятельное решение о степени и характере своего участия в военных действиях князя. Для Свенельда это оказывается возможным даже около такого сильного князя, каким был Святослав. Правда, в летописном рассказе события изложены так, что не совсем ясно, какую роль в них сыграл Свенельд. Обычно этот эпизод трактуется следующим образом: «Князь сам устремляется в засаду печенегов, игнорируя мудрый совет воеводы Свенельда обойти стороной днеп-

⁶ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI—первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 70—72, 83—84. На ранних этапах «воеводство», по М. Б. Свердлову, было, скорее, функцией, и в роли воеводы мог выступить и князь, если он предводительствовал войском.

⁷ М. И. Артамонов полагает, что богатства были захвачены воинами Свенельда в походе Руси в Закавказье в 943—944 гг. (*Артамонов М. И.* Воевода Свенельд // *Культура Древней Руси*. М., 1966. С. 30—35). Однако надо заметить, что в обосновании участия Свенельда в закавказском походе Руси исследователь исходит из допущений, а не из каких-либо положительных сведений. Попутно приведем тонкое наблюдение М. Б. Свердлова: у Свенельда собственно не «дружина», а «отроки». «дружина» же только у князя (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 270).

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. с предисл. А. Н. Насонова. М.: Л. 1950. С. 109—110.

ровские пороги, где печенеги всегда нападают на Русь».⁹ Однако моралистическая схема гибели князя вследствие пренебрежения мудрым советом воеводы не совсем безупречна с фактической стороны. Свенельд действительно предупредил князя: «Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо печенѣзи в порозѣхъ». Святослав действительно не внял совету: «И не послуша его и поиде в лодьяхъ» (ПВЛ. С. 52). Но дальше события отступают от схемы «предупреждение—ослушание». Святослав гибнет не сразу, он вовсе не безрассудный гордец, пренебрегающий реальной опасностью. Он вовремя обнаружил, что «не бѣ лъзѣ проити порогъ». Это могло означать только одно: оценив уровень угрозы печенежской засады, князь решил, что прорваться невозможно. Святослав отступил в Белобережье, т. е. риску прорыва он предпочел голодную зимовку. Это решение опытного и осторожного полководца. Расчет его, видимо, был прост: печенеги не смогут дожидаться его целую зиму, они откочуют, а ранней весной, как только Днепр освободится от льда, он вновь двинется к Киеву. Так что, если князь и не внял совету Свенельда, то и не поступил вопреки ему. Он выбрал иной вариант. Не исключено, что в этой ситуации он отправил «на конихъ» Свенельда в Киев с тем, чтобы тот обеспечил ему помощь весной.¹⁰

За время зимовки были съедены и те лошади, какие еще оставались: «...и не бѣ у них брашна уже, и бѣ гладь великъ, яко по полугривинѣ глава коняча» (ПВЛ. С. 52). Так что весной Святослав оказался и вовсе лишен возможности выполнить совет Свенельда: коней попросту уже не было.

Расчет Святослава, казалось бы верный, не оправдался. Печенеги либо каким-то образом сумели продержаться всю зиму на Днепре, либо к моменту подхода Святослава вернулись к порогам.

Киев помощи Святославу не оказал. Гибель его стала неизбежной.

Так действительно ли Святослав погиб, потому что ослушался воеводу Свенельда? Очевидно, что нет.

Его упорное желание пройти к Киеву в ладьях должно быть объяснено не горделивым упрямством князя, а тем, что только так он мог сохранить «именье много ... и полонь бесчислень», которые добыл в боях с болгарами и греками. Выйдя на берег, его малочисленное войско, обремененное военной добычей, оказалось бы уязвимо для печенежской конницы. Реальная надежда была только на водный путь, ограждающий от прямого столкновения с печенегами.

Совет Свенельда мог означать отказ от «полона» и «именья». Чтобы спастись, надо было добытое в сражениях бросить, отдать печенегам. Вряд ли Святослав не пошел на это из жадности. В летописи есть свидетельства его пренебрежительного отношения к «именью». Но Святославу надо было набрать дружину для продолжения войны с греками, для

⁹ *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск: М., 1995. С. 231.

¹⁰ К этой мысли склонялся С. М. Соловьев. Кроме того, во множестве вопросов, которые историк задает в связи с ролью Свенельда в этом эпизоде, явно сквозит подозрение в причастности этого мужа к гибели своего патрона (*Соловьев С. М.* Соч. М., 1988. Кн. 1. т. 1—2. С. 160—161).

этого он и шел в Киев. Дружине надо платить, ее надо соблазнить возможностью богатой добычи. Поэтому князь не мог прийти в Киев с пустыми руками. «Полон» и «именье» он должен был сохранить любой ценой — иначе оказывалась под сомнением вся его деятельность на Дунае и Балканах.

Но какова же роль Свенельда в этих событиях? О Свенельде в этом эпизоде говорится дважды: в первый раз — о его совете князю (который, если наше рассуждение о положении Святослава не противоречит реальности, был неприемлем) и во второй раз — о его спасении: «Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку» (ПВЛ. С. 53). Интересно, когда именно Свенельд пришел в Киев? По внешней последовательности рассказа он пришел уже после гибели Святослава. Но как в таком случае Свенельд смог спастись? Лошади были съедены во время зимовки. Может быть, не все? Но тогда почему спасся воевода, а не князь? Или почему они не спаслись вместе? Вряд ли Свенельд просто сбежал во время боя с печенегам. ¹¹ Во-первых, наверное, не так-то просто в этой ситуации было уйти от печенегов, а, во-вторых, бегство воеводы похоже на прямую измену, что вряд ли могло быть принято даже не сочувствующими Святославу киевлянами; наконец, на Руси оставались три сына Святослава, которые не могли пощадить изменника, — вспомним слова воеводы Претича о том, что ждало его и прочих воинов, если бы они не сумели спасти Ольгу и детей Святослава: «Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ» (ПВЛ. С. 47—48).

У летописца есть своя иерархия в последовательности изложения событий. Если события происходят в пределах одной годовой статьи, то вначале рассказывается о главных фигурах, а затем о лицах и событиях второго плана. В данном случае события 971 и 972 гг. объединены в пределах одной статьи. О наступлении следующего года сообщается по ходу рассказа: «Веснѣ же приспѣвши, в лѣто 6480/972, поиде Святославъ в пороги» (ПВЛ. С. 53). Летописец вполне мог завершить рассказ о князе, а потом только упомянуть о воеводе. Поэтому сообщение о прибытии Свенельда в Киев после описания гибели Святослава вовсе не означает именно такую хронологию. Свенельд мог прийти в Киев и раньше. Например, как мы уже отмечали, Святослав мог отправить его в Киев после неудачной попытки прорваться через пороги, с тем чтобы Свенельд организовал помощь князю весной.

Вопросы о том, почему эта помощь Святославу не была оказана (представляется, что в такой затруднительной ситуации Святослав обязательно должен был связаться с Киевом), почему кочевники-печенеги вовремя оказались у порогов (вряд ли они зимовали там), почему Свенельд никак не поплатился за измену князю (а какой-то вариант измены здесь, кажется, неминуем: либо неоказание помощи, если он ушел в Киев по поручению Святослава в 971 г., либо бегство во время боя в 972 г.), — вопросы эти остаются без ответа, ибо для них в летописи нет и тех скудных

¹¹ Хотя Устюжская летопись XVI в. прямо говорит о бегстве: «Свиндел же убежа з бою, и приде в Киев к Ярополку, сыну Святославу...» (ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л., 1982. С. 22).

данных,¹² которые позволили нам усомниться в безупречности моралистической схемы, выводимой обычно из летописного описания гибели Святослава. Очевидно, летописец о чем-то умалчивает, и это умолчание — в пользу Свенельда.¹³

Однако какая-то конечная правда, вопреки всем аргументам «против» Свенельда и «за» Святослава, в этой схеме все же есть, и на нее еще раз намекают слова, сделанные на оковке черепа Святослава, превращенного в винную чашу: «чужих ища, своя погубихь». Этих слов нет в ПВЛ, но они есть в других летописях,¹⁴ и даже если это позднейшая приписка, то выведена она из общего отношения киевлян к Святославу: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охавивъ ...» (ПВЛ. С. 48).

Киевляне не понимали и не принимали дальней завоевательной политики Святослава, который к тому же отказался считать Киев центром своей земли. Святослав строил империю, в которой Киеву была уготована участь одной из податных провинций.¹⁵ Киевляне не могли примириться с этим. Поэтому, какова бы ни была фактическая причастность Свенельда к гибели Святослава, в конечном счете он погиб потому, что Киев не стал помогать князю, который по сути перестал быть киевским.

На совести Свенельда лежит первая братоубийственная распря между князьями. Сын Свенельда Лют, увлекшись охотой, оказался во владениях Олега древлянского и тем не менее продолжал гнать зверя. Феодалы ревностно относились к своим охотничьим угодьям. Олег, осведомившись об имени нарушителя, велел убить Люта. Свенельд начал подстрекать Ярополка: «„Поиди на братъ свой и прими волость его“, хотя отомстити сыну своему». В разгоревшейся в 977 г. расправе между братьями Олег погиб в бою. Когда отыскивали тело Олега и положили перед Ярополком, князь укорил воеводу: «Вижь, сего ты 'еси хотѣль!» (ПВЛ. С. 53). Может быть, это послужило причиной опалы Свенельда, так как вскоре возле Ярополка оказывается другой воевода — Блуд.

Итак, Свенельд был воеводой при трех князьях: Игорь и Святослав погибли не без его участия, Ярополка он втравил в братоубийственную рас-

¹² Уверен в изменническом бегстве Свенельда с поля боя Б. А. Рыбаков, но уверенность не может компенсировать отсутствия аргументов. См.: *Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси*. М., 1987. С. 363, 378, 380. Есть книга, где на все эти вопросы даны ответы с визионерской убежденностью: *Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь: В 2 кн. / Сост., общ. ред. А. И. Курочки. М., 1997. Кн. 1. С. 267—270.*

¹³ Впрочем, в том, что Свенельд сумел вернуться в Киев, Э. А. Минакова усматривает его достаточно автономное по отношению к Святославу положение. Исследовательница видит в Свенельде не воеводу, а конунга или архонта: это доказывается тем, что в начальной части договора Святослава с греками 971 г. Свенельд назван вторым после Святослава, из чего делается вывод, что «Свенельд стоит рядом с великим князем, как договаривающаяся сторона». Но имени Свенельда нет в договоре Игоря с греками, и исследовательнице приходится предполагать, что Свенельд прибыл на Русь после заключения договора, а для этого требуется пересматривать летописную хронологию, связанную со Свенельдом, и по существу разводить Игоря и Свенельда (*Минакова Э. А. Древнерусская элита первой половины X в.: «Конунги» или воевода Свенельд // Рюрики: Исторические статьи и публикации. Орел, 2003. С. 56—61*). На наш взгляд, этих персонажей неразрывно связал сюжет Игоревой смерти.

¹⁴ Русские летописи. Т. 7: Ермолинская летопись / Подгот. к изд. А. И. Цепковым. Рязань, 2000. С. 23. См. также: ПВЛ. М.: Л., 1950. Ч. 2. С. 319.

¹⁵ См.: ПВЛ. С. 48.

прю. В глазах летописца распри — тягчайшее зло, связываемое с происками дьявола. В связи со Свенельдом дьявол, правда, не упоминается, но общий контекст сообщаемого о нем наводит на мысль о «сетях неприязненных».

Справедливости ради надо отметить, что о Свенельде есть нейтральные, а то и сочувственные строчки. Воевода и кормилец маленького Святослава упоминаются как необходимые фигуры княжеского окружения: «Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнелдъ, — то же отецъ Мистишинъ» (ПВЛ. С. 40). Воевода и кормилец вправе обратиться к дружине¹⁶ с ободряющим призывом: «И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: „Князь уже почаль (т. е. мальчик Святослав уже бросил свое копьё. — *А. Ш.*); потягнѣте, дружина, по князьъ”» (ПВЛ. С. 42). У летописца нет стремления изобразить Свенельда только злодеем, отмечаются и те моменты, где его поведение вызывает одобрение.¹⁷

Воеводой-изменником изображен в ПВЛ Блуд. Когда Владимир Святославич вступил в борьбу с Ярополком Святославичем, он позаботился о том, чтобы переманить на свою сторону Блуда, служившего киевскому князю. Владимир не скупится на самые лестные посулы: «Попрый ми! Аще убью брата своего, имѣти ты хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене...» (ПВЛ. С. 54). Это чуть ли не признание феодального старшинства Блуда: когда младший феодал стремится получить покровительство старшего, он просит его быть «отцом».¹⁸ Владимир здесь, конечно, несколько «пережимает», ясно, что приглашение Блуда в отцы — это лесть, ибо он тут же обещает «многу честь» этому отцу от себя, но показательно и то, что князь идет на такую лесть по отношению к воеводе. Спешит Владимир и оправдаться перед воеводой в военных действиях против брата: «...не язъ бо почаль братью бити, но онъ. Азь же того убоявсья придохъ на нь» (ПВЛ. С. 54).

Блуд готов изменить Ярополку, и летописец страстно обвиняет изменника: «...то суть неистовни, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковии» (ПВЛ. С. 55). Именно Блуд, обдуманно и верно, подводит Ярополка к гибели. Он принимает прямое участие и в самом акте убийства своего сюзерена: затворяет двери, не давая дружине

¹⁶ А. Е. Пресняков разрабатывал мысль об особом значении должности «кормильца» как фигуры наиболее приближенной к князю и пользующейся огромной властью (*Пресняков А. Е.* Кормилец, воевода, тысяцкий. С. 148—158).

¹⁷ А. А. Шахматов считал, что в дошедшем до нас тексте ПВЛ наслонились друг на друга разные предания о Свенельде, осложненные к тому же редакторской работой летописцев, вынужденных примирять противоречивые сведения. Реконструкции А. А. Шахматова, как всегда увлекательные, дают, однако, слишком сложную картину движения текста; в любом случае, реконструкции остаются гипотетическими (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 340—378). Критику построений А. А. Шахматова см.: *Поптѣ А. В.* Родословная Мстислава Свенельдича // Летописи и хроники: Сб статей за 1973 г. М., 1974. С. 64—91.

¹⁸ Впрочем, не исключено, что под тем, кто был «отца вместо», мог подразумеваться и «дядька», кормилец-воспитатель, но у Владимира уже был «дядька» и в переносном, и в прямом смысле — Добрыня.

никам Ярополка войти в терем, где уже двое варягов поднимают на мечах князя.¹⁹

Блуду как бы противопоставлен верный Ярополку Варяжко: он предупреждает князя о возможной гибели у Владимира, а затем упорно сражается с новым киевским князем, взяв в союзники печенегов, так что Владимир «одва приваби ѱ, заходивъ к нему ротъ (рота — обещание, договор. — *А. Ш.*)» (ПВЛ. С. 55). Варяжко, видимо, не был воеводой, но представлял собой реальную силу, с которой вынужден был считаться князь Владимир.

Вышегородским воеводой был еще один злодей — Путьша. Он вступил в сговор со Святополком Окаянным и по его наущению осуществил убийство Бориса. По мнению летописца, люди, подобные Путьше и его соучастникам по злодейству, хуже бесов, так как «бъси бо Бога боятсѧ, а золь человѣкъ ни Бога боитсѧ, ни человѣкъ сѧ стыдитъ; бѣси бо креста сѧ боять Господня, а человѣкъ золь ни креста сѧ боить» (ПВЛ. С. 92).

Но не нужно думать, что воевода обречен на злодейство. Есть в ПВЛ воеводы, к деятельности которых летописец относится с явной симпатией. Таков, например, хитроумный воевода Претич. Выслушав от гонца ультиматум киевлян о намерениях «предатися» печенегам, если дружина Претича немедленно не поможет им, воевода трезво рассудил: «Подъступимъ завтра в лодьях, и попадше княгиню и княжичѣ, умчимъ на сю страну». Дружина Претича была слишком малочисленна, чтобы вступать в серьезный бой с печенегами. Киева он спасти не мог.²⁰ Но можно было рискнуть и внезапным прорывом спасти хотя бы мать Святослава и его детей. Рисковать, впрочем, приходилось поневоле: «Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ». Дерзким и смелым удача сопутствует. Отряд Претича и киевляне подняли такой шум (воины Претича в ладьях «вѣструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша»), что печенеги испугались и «побѣгоша разно от града». Ольга с внуками и с людьми беспрепятственно перешли в ладьи Претича. Цель, которую ставил перед собой воевода, была выполнена. Но печенежский князь решил разобраться в обстановке и вступил в переговоры с Претичем. Хитрый воевода сказал печенегу, что он возглавляет передовой отряд Святослава, а «„по мнѣ идетъ полкъ со княземъ, бе-щисла множество”. Се же рече, грозя имъ». Печенежский князь поверил Претичу и счел за благо кончить дело миром: «Буди ми другъ», — предложил он и обменялся с воеводой рукопожатием и подарками. Так хитрость и смелость воеводы предотвратила вторжение врагов в Киев (ПВЛ. С. 47—48).

Воевода Добрыня тесно связан с князем Владимиром Святославичем. По давней традиции эту летописную пару считают прообразами былин-

¹⁹ Характеристику Свенельда и Блуда историком см.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. С. 233—238.

²⁰ Впрочем, М. Х. Алешковский считал, что существовало две версии освобождения Киева, по одной из которых его освобождал Святослав, по другой Претич (*Алешковский М. Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1974. С. 18). Если это так, то это лишний раз свидетельствует о зрелом композиционном строительстве и литературном мастерстве летописца: рассказ читается как единое целое без видимых противоречий.

ных Владимира Красное Солнышко и Добрыни Никитича.²¹ Добрыня не просто воевода при Владимире, они связаны родственными отношениями: мать Владимира, ключница Малуша, была сестрой Добрыни и потому «бѣ Добрыня уй Володимеру». Добрыня сыграл решающую роль в начале жизненной карьеры Владимира: именно он посоветовал новгородцам выбрать себе в князья Владимира и вместе с племянником отправился на новгородское княжение.

ПВЛ не сообщает об участии Добрыни в борьбе Владимира с Ярополком за киевский стол, но тотчас после своего вокняжения в Киеве «Володимеръ же посади Добрыну, уя своего, в Новѣгородѣ». Это и знак особого доверия князя Добрыне, и, может быть, плата за участие в событиях 980 г.

Добрыня осуществляет в Новгороде то, что Владимир уже проделал в Киеве: «...постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье новгородьстии аки богу» (ПВЛ. С. 56), т. е. Добрыня осуществляет политику Владимира по насаждению в государстве единой религии, пока еще в языческом варианте. Известно, что позже Добрыня принимал участие и во введении христианства.

В походе Владимира на болгар Добрыня подает совет князю заключить с побежденными мир. Совет свой Добрыня облакает, кажется, в шутовскую форму: «Рече Добрыня Володимеру: „Съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣх. Симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ”» (ПВЛ. С. 59). Вспомним, что хазары сделали заключение о своих данниках по характеру собранной дани, здесь же характеристикой данников оказывается обувь.

Даже по этим скудным сведениям видно, что Добрыня — государственный муж, действующий в полном согласии со своим князем и являющийся его надежным помощником. Отношение к нему со стороны летописца явно благожелательное.

Был у Владимира и воевода по прозванию Волчий Хвост. Он прославился тем, что победил радимичей «от рода ляхов» и заставил их платить дань Киеву (984). Победа его над радимичами на реке Пищане была столь примечательной, что вызвала к жизни пословицу: «Тѣмъ и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: „Пищаньци волчьья хвоста бѣгають”» (ПВЛ. С. 59).²²

Волчий Хвост, став после смерти Владимира воеводой Святополка, выступает в роли нахвальщика (правда, имя сохранила для этого эпизода только НІЛм (С. 175), ПВЛ же оставляет здесь воеводу безымянным), он издевается над Ярославом и новгородцами. Похвальба немедленно наказывается: новгородцы побуждают Ярослава к выступлению и одерживают победу над Святополком. Но вскоре (при битве на Буге с Болеславом)

²¹ Лихачев Д. С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 132—135; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. С. 62—71.

²² Волчий Хвост оставил, кажется, по себе и материальный памятник: большой камень, валун с записью об этой победе. См.: Дондуков-Корсаков А. М. Древний памятник «Волчьего Хвоста» в стране Радимичей // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1916. Вып. 3. С. 35—45. Иное мнение: Ванкель Г. Эратический валун с финикийской надписью, найденный близ Смоленска в России // Там же. С. 47—54.

уже воевода Ярослава оказывается нахвальщиком, обрекая тем самым свое войско на поражение. Похвальба немедленно несет гибель тем, от кого исходят хвастливые слова.

Ярослав, спасаясь от Болеслава и Святополка, хочет бежать за море к варягам, но в события вмешивается «Коснятинъ, сынъ Добрынь», который, как и его отец, был новгородским посадником. По его приказу «новгородьци расъкоша лодьъ Ярославль, рекуше: „Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ”» (ПВЛ. С. 97). Новгородцам действительно удалось изменить ход событий в пользу Ярослава. Так посадник оказывается решительнее и мужественнее князя.²³

Должности воеводы и посадника могли, видимо, передаваться по наследству. После Добрыни именно его потомки становились посадниками в Новгороде: Константин, о котором только что шла речь, его сын Остромир, с именем которого связано Остромирово Евангелие; потомки Остромира также были воеводами.²⁴

Здесь необходимо отступление по поводу потомков Остромира, точнее о том, можно ли, как это делает Д. С. Лихачев, считать одним лицом Вышату, упоминаемого в ПВЛ под 1043 г. и Вышату, упоминаемого под 1064 г. Последний — несомненно сын Остромира, но можно ли его отождествлять с Вышатой 1043 г.? В пользу своей точки зрения Д. С. Лихачев указывал на то, что поход на греков 1043 г. возглавлял Владимир Ярославич — новгородский князь, поэтому уместно в воеводе 1043 г. Вышате ви-

²³ Однако дальнейшая судьба Коснятина (Константина) трагична. Ярослав, судя по сообщениям поздних летописей, не сумел простить этой насильственной помощи со стороны посадника: кроме того, можно предположить, что Ярослав помнил о том, что Коснятин сын человека, прямо причастного к «позору» его матери Рогнеды и гибели деда с бабкой. СЛ в самом конце обширной статьи 6527/1019, включающей Устав Ярослава, содержит сообщение, прямо относящееся к судьбе Константина: «Коснятинъ же бѣше тогда (по прямому смыслу — в 1019 г. — А. Ш.) въ Новѣгородѣ, и разнѣваясь на нь великий князь Ярославъ, и поточи ѿ в Ростове, и на 3-е лѣто повелѣ его убити в Муромѣ, на рѣцѣ на Оцѣ» (ПСРЛ. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 172). Таким образом, Константин, по СЛ, был арестован в 1019 г., а убит в 1022—1023 гг. (см. также: ПВЛ. Ч. 2. С. 368). В. Л. Янин допускал, что убийство Коснятина могло иметь место в 1034—1036 гг. (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 48—49); главным аргументом В. Л. Янина является соображение, что Новгород не мог оставаться без власти между 1019—1034 гг. — временем вокняжения Владимира Ярославича в Новгороде. Полагая, что вакуума власти не было: после смещения Коснятина в 1019 г. посадником стал первенец Ярослава малолетний Илья, а по его ранней смерти на эту должность был назначен второй родившийся сын — Владимир (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов С. 161). На деле, конечно, управляли «княжьи мужи», роль которых основательно прояснил М. Б. Свердлов в работе «Домонгольская Русь». В 1034 г., по достижении возраста, когда княжича «садили на коня» (обряд инициации), произошло, видимо, утверждение Владимира в качестве самостоятельно управляющего князя. ПВЛ, впрочем, датирует это официальное вокняжение 1036 г. Д. Прозоровский вполне доверял сведениям СЛ относительно трагической судьбы Константина. См.: Прозоровский Д. Новые розыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892. С. 3.

²⁴ См.: Лихачев Д. С. «Устные летописи»... С. 14—15. Д. С. Лихачев выводит Добрыню из рода Свенельда, хотя в тексте ПВЛ прямо сказано, что он — сын Малка Любечанина. А. А. Шахматов пытался отождествить Малка с сыном Свенельда Лютом (Мистишей). См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 373—378. Критику этих генеалогий см.: Пониз А. В. Родословная Мстиши Свенельдича. С. 64—70 и др. Сомнительна и цепочка «Остромир — Вышата — Ян» (см. ниже).

деть новгородца, сына Остромира.²⁵ Однако в ПВЛ нет указаний, что поход был организован из Новгорода, напротив, вся инициатива похода принадлежит Ярославу, киевскому князю, и войско тоже киевское: «Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы, и вда ему вои многы, а воеводство поручи Вышатъ...» (ПВЛ. С. 103). Ярослав дал войско сыну, и Ярослав же дал воеводу — скорее всего, своего, киевского. Во всяком случае, аргумент Д. С. Лихачева не бесспорен. Имя воеводы, конечно, может иметь новгородское происхождение: Вышата 1043 г. мог быть новгородцем, переселившимся в Киев вместе с Ярославом, когда последний перестал опасаться своего брата Мстислава и утвердился в Киеве. Но что заставляет нас сомневаться в тождественности персонажей 1043 и 1064 гг.? Дело в том, что Вышата 1064 г. определяется в летописи по своему отцу: «Вышата, сынъ Остромирь воеводы Новгородьского» (ПВЛ. С. 110).²⁶ а Вышата 1043 г. по сыну: «...воеводство поручи Вышатъ, отцю Яневу» (ПВЛ. С. 103), т. е. в одном случае летописец предполагает, что всем известен Остромир, воевода новгородский, а в другом известное лицо — Янь, по которому определяется его отец: при этом раньше, в 1043 г., Вышата определяется по сыну, а позже, в 1064 г., по отцу — это не логично, если исходить из их тождественности. Кроме того, Вышата — отец Яна не мог быть сыном Остромира, потому что, как заметил М. Д. Приселков, он должен быть его сверстником.²⁷ Видимо, правы те, кто видит в этих персонажах летописи разных людей.²⁸

С Вышатой, отцом Яна, связан драматический рассказ о походе старшего сына Ярослава на греков в 1043 г. Буря разметала русскую флотилию, приближавшуюся к Царьграду. Часть войска, оставшаяся без судов, вынуждена была выйти на берег, но князь тем не менее намеревался продолжать морскую экспедицию. Воевода Вышата как будто добровольно решил остаться с потерпевшими морское крушение: «Аще живъ буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною». Вскоре греки пленили отряд Вышаты и предали казни — ослепили воинов. Только через три года Вышата сумел вернуться на Русь²⁹ (ПВЛ. С. 103—104).

²⁵ Лихачев Д. С. «Устные летописи»... С. 124.

²⁶ Отметим только, что этих слов нет в Лаврентьевском списке, они добавлены из Ипатьевского.

²⁷ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 51. Это утверждение строится на том, что Янь, сын Вышаты, умерший в 1106 г., имел девяносто лет от роду, следовательно, он должен был родиться в 1016 г. Поэтому Вышата должен быть современником не только Остромира, но и Владимира. Допущение Д. С. Лихачева, что летописец в определении возраста Яня применил эгипетский счет на «девяносто» (Лихачев Д. С. Устные летописи... С. 122—123), неприемлемо, ибо летописец, вводящий годовую сетку, дорожил обретенной хронологией: Ярослав «Живе же всѣхъ лѣтъ 70 и 6» (ПВЛ. С. 109), точно указывается число лет до смерти жены Яня от кончины Феодосия в связи с пророчеством последнего: «о 18 лѣто се сбѣсться: в се бо лѣто преставися Яневая, именовъ Марья, мѣсяца августа 16 день» (ПВЛ. С. 139—140) и т. д.

²⁸ Первым, кажется, это отметил П. Бутов (Бутов П. Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском // Современник. 1850. № 9. Сент. Отд. 3. С. 13—14); такую точку зрения высказал В. А. Кучкин: (Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 64, примеч. 66).

²⁹ М. Д. Приселков на основе характера упоминаний Вышаты в этом тексте, а именно определение его через сына Яна, считает, что та часть рассказа, где действует Вышата,

Вышата, сын Остромира, и Порей в 1064 г. бегут в Тмутаракань вместе с князем Ростиславом Владимировичем, сыном Владимира Ярославича. Видимо, «стрыи» Ростислава, Изяслав, Святослав и Всеволод, не захотели учесть интересов младшего князя, но воевода остался верен ему. Занятие Тмутаракани поставило Вышату и Порея во враждебные отношения со Святославом.

П. Бутков отождествил Яна Вышатича с персонажем Жития Феодосия Печерского боярином Иоанном, «бѣ прьвыи ... в боялярѣхъ» у князя Изяслава;³⁰ В. А. Кучкин развил это сопоставление.³¹ Правда, в свете враждебных взаимоотношений Ярославичей³² требует какого-то объяснения переход к Святославу воеводы (или «княжого мужа») Изяслава, однако из той же ПВЛ нам известны случаи перехода воеводы от одного князя к другому (достаточно сослаться на Блуда). Наконец, В. В. Дергачев указал, что в одном из списков «феодосьева» монастырского устава читаются слова о поминании «Ермана, Ивана, Марьи», двух последних исследователь отождествил с Яном Вышатичем и его женой Марией,³³ т. е. летописный «Янь» мог именоваться Иваном (о боярине Иване у нас будет возможность высказаться ниже).

Ян, будучи воеводой Святослава, отличился в расправе над волхвами, поднявшими кровопролитный мятеж по Волге и Шексне.³⁴ Ян становится киевским «тысяцким», он упоминается как «смысленый» представитель дружины на совете князей в 1093 г. при обсуждении вопроса о переходе Стугны, и наконец, под 1106 г. летописец сообщает о смерти Яна и посвящает ему некролог, какого удостоивались далеко не все князья. Здесь же летописец упоминает, что получил от него много сведений, которые внес в летопись. Так что Ян — фигура в высшей степени примечательная, он — важнейший информатор летописца.

Возможно, именно в этом аристократическом роду сложилась «сага Рюриковичей», и Ян был одним из талантливых рассказчиков-сказителей.³⁵ Во всяком случае, эпизод о расправе Яна с волхвами исполнен та-

вставлена поздним летописцем, а именно тем, для кого Ян был информатором: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. С. 53–54. Двусоставность рассказа о походе Владимира Ярославича на греков видна в наличии двух воевод, возглавляющих русские войска: «Иван Творимиричъ, воевода Ярославль», и Вышата. М. В. Левченко полагает, что в первоначальном летописном варианте упоминался только Иван Творимирич, а Вышата появился под влиянием рассказов его сына Яна. См.: *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 397.

³⁰ Бутков П. Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском. С. 13—14.

³¹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 63—64.

³² Святослав, как известно, совместно со Всеволодом изгнан в 1073 г. Изяслава из Киева.

³³ Дергачев В. В. Вселенский синодик в древней и средневековой России // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (3). С. 18.

³⁴ Хотя в ПВЛ о мятеже рассказывается под 1071 г., но статья этого года имеет обобщающий характер. По наблюдениям В. А. Кучкина, мятеж мог иметь место осенью 1073 г. — весной 1074 г. (Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 63—65).

³⁵ Выдвигалась даже гипотеза, что Ян Вышатич и есть Боян («бо Ян») «Слова о полку Игореве» (Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ 1948. № 25. С. 328—329). Гипотеза эта не получила поддержки. Действительно, следов поэзии характера и уровня Бояна, какой она известна нам по стилизациям автора «Слова о полку Игореве», в ПВЛ нет. В летописи развито не поэтическое в узком смысле, а повествовательное искусство.

ких подробностей и живого драматизма, что его можно считать записью рассказа очевидца/участника событий. Этот пространственный рассказ, интересный во многих отношениях, хорошо высвечивает черты личности воеводы.

По отношению к мятежникам Ян ведет себя в высшей степени уверенно. Он готов отправиться усмирять их один и без оружия, но «отроки» отговорили воеводу от этого: «Не ходи безъ оружья, осоромятъ тя». Против трех сот мятежников Ян взял с собой только 12 отроков. При этом он не намерен вступать с ними в бой: они смерды его князя, и их нужно попросту наказать. Ян не только не обнажает против мятежников меч, но не считает нужным ударить одного из них острием топора — бьет его обухом («ударитъ ѱ тыльемъ»). В этом жесте видно презрение аристократа, рыцаря к смерду. Его не останавливает серьезное предупреждение мятежников: «Вида идеши на смерть, не ходи». Ян велит своим отрокам бить их, а сам направляется дальше к лесу, где укрывались основные силы и где был убит поп, сопровождавший Яна.

Мятеж был подавлен без особых сложностей. Ян вернулся в город и заявил белозерцам: «Аще не имете волхву сею, не иду от васъ и за лѣто». Белозерцы пошли, повязали волхвов и привели их к Яну.

Ян проявляет себя искусным спорщиком, он с легкостью опровергает аргументы волхвов, обещая им в конце теологического³⁶ диспута: «Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо», т. е. от Бога. Он уверен, что Бог поступит с волхвами, так же как и он.

Волхвы не готовы к такому обороту дела, они настаивают на суде князя, от воеводы же они не ждут ничего хорошего: «Нама стати пред Свято-славомъ, а ты не можеша створити ничтоже».³⁷ Тогда Ян велит рвать им бороды, что было тягчайшим оскорблением, бить их, и при этом он продолжает спрашивать: «Что вама бози молвятъ?». Когда же волхвов привязали к ребру лодки, вложили в рот по рублю, что было, видимо, элементом похоронного обряда, волхвы признали: «Сиче нама бози молвятъ, не быти нама живымъ от тебе». Ян удовлетворенно согласился: «То ти вама право повѣдали».

Не желая брать ответственность за убийство волхвов на себя, Ян использует обычай кровной мести и предлагает расправиться с волхвами тем людям, чьи родственники были убиты во время мятежа. Таких нашлось немало, и «они же поимше, убиша ѱ и повѣсиша ѱ на дубѣ: отмъстье приимша от Бога по правдѣ», — удовлетворенно замечает летописец, одобряющий в этом случае все действия Яна (ПВЛ. С. 117—119).³⁸

Итак, Ян — человек решительный и смелый, не без презрения относящийся к смердам аристократ, но он чтит законы и обычаи и, как человек ис-

³⁶ О религиозных аспектах этого столкновения см.: Шайкин А. А. «Повесть временных лет» о язычестве на Руси // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 29—39.

³⁷ Волхвы, видимо, исходят из нормы, отраженной в Русской правде, согласно которой без прямой санкции князя его «администратор» не мог чинить расправу над смердами: «33. Или смердъ умучать, а без княжса слова, за обиду 3 гривны...» (БЛДР. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 494).

³⁸ Правовые особенности конфликта Яна с восставшими смердами интересно проанализированы: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.: Л., 1966. С. 96—101.

кушенный в них, умело их использует. Он считает себя вправе вершить суд от имени князя, заявляя, что волхвы — «смерда еста моя и моего князя».

Позиция летописца здесь целиком на стороне власти, осуществляющей карательные меры. Во главе мятежников стоят волхвы, и уже поэтому летописец-христианин не может им сочувствовать. Действия власти здесь направлены на установление порядка в государстве, и летописец солидарен с княжеской властью, реализуемой в карательных мерах воеводы Яна. Там же, где действия князя идут вразрез с общегосударственными интересами и вызывают протест со стороны народа, летописец вполне может занять «антикняжескую» позицию.

Эпизод с волхвами, наполненный точными, конкретными зарисовками, живым, не риторическим диалогом, в котором жутковатый юмор воеводы-палача перемежается исполненными трагизма репликами жертв-волхвов, является еще одним «окошком» в реальную действительность второй половины XI в.

Воевода Ян прожил долгую жизнь, став свидетелем всех основных событий XI в.,³⁹ а его предки являлись прямыми деятелями процесса сложения Киевского государства. Такой человек действительно мог быть важным информатором летописца. Видимо, значительная часть русской истории X—XI вв. — это история, рассказанная Яном. Поэтому летописец счел необходимым откликнуться на смерть этого человека специальным некрологом: «В се же *лѣто* (1106 г.) преставися Янь, старецъ добрый, живъ *лѣт* 90, в старости маститѣ; живъ по закону Божью, не хужий бѣ первых праведник. От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в *лѣтописаны* семь, от него же слышах. Бѣ бо мужь благъ, и кротокъ и смѣренъ, огрѣбаяся всякоя вещи, его же и гробъ естъ въ Печерьскомъ монастыри, в притворѣ, иде же лежить тѣло его, положено мѣсяца иуния въ 24» (ПВЛ. С. 186).

Для того чтобы исчерпать перечень воевод и посадников, осталось упомянуть Ратибора, которого Всеволод Ярославич отправил в 1079 г. посадником в Тмутаракань, когда ему удалось избавиться от Романа и Олега. В 1081 г. Давыд и Володарь, захватив Тмутаракань, сместили и арестовали («яста») Ратибора. Впрочем, не желая излишне обострять отношения с киевским князем, Давыд и Володарь, видимо, отпустили Рати-

³⁹ Под 1106 г., т. е. в год смерти Яна Вышатича, упоминается об участии некоего Яна в босых действиях против половцев: вместе с Иванком Захарычем (Козарином) они «угониша половцѣ, и полонѣ отяша» (ПВЛ. С. 186). В правомерности отождествления этого Яна с Яном Вышатичем сомневался еще К. Бестужев-Рюмин (*Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописцев до конца XIV века.* СПб., 1868. С. 21, примеч. 54). О. В. Творогов считает, что здесь идет речь о братьях Яне и Иванке Захарычах: *Творогов О. В. Летописцы и историки XI—XVII вв. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 99.* Действительно, если посмотреть на текст статьи 6614/1106 г. ПВЛ (и в Лавр., и в Ипат.), то ясно видно, что сообщения о разгроме половцев, где упоминается Ян, и некролог о Яне — это разнородные фрагменты. «Воеваша половци около Зарѣчьска, и посла по них Святополкъ Яня и Иванка Захарыча, Козарина; и угониша половцѣ, и полонѣ отяша. В се же *лѣто* преставися Янь, старецъ добрый, живъ *лѣт* 90, в старости маститѣ...» (ПВЛ. С. 186). Начиная некролог, его автор поясняет, какого «Яня» он имеет в виду — «старецъ добрый» и т. д. Конечно, этот «Янь» «в старости мастите» не может быть отождествлен с победителем половцев. Если бы летописец имел в виду одного и того же Яна, он бы пояснил это — «преставися сеи Янь». Да и вряд ли уместно 90-летнему старцу гоняться за половцами. Некролог в изданиях ПВЛ надо, видимо, начинать с красной строки.

бора. Во всяком случае, Ратибор присутствует при сыне Всеволода Владимире в 1100 г. на съезде князей в Уветичах (ПВЛ. С. 181).

Однажды упоминается воевода Путята: он принимал участие в междоусобных войнах 1097—1100 гг. как воевода Святополка (ПВЛ. С. 180), а по смерти Святополка он стал объектом народного гнева, и его двор был разграблен (ПВЛ. С. 196). Других сведений в ПВЛ о нем нет.⁴⁰ Вряд ли в нем можно усмотреть соратника Добрыни, с которым, по известной поговорке, они насаждали христианство. Если это один и тот же Путята, то он должен был жить не менее 100 лет.

Бояре, дружина/вон, люди/народ

Немного подалее воевод около князя располагаются бояре/боляры.⁴¹ Хотя форма «боляре» в ПВЛ по числу употреблений вдвое превышает форму «бояре» (31 : 15), какой-либо отчетливой смысловой дифференциации в употреблении той или иной формы не заметно. Так, например, текстуально соседствуют «боляры», которых крестили греки у болгар, и два «боярина» — Аскольд и Дир (ПВЛ. С. 18).⁴² В договоре с греками Олега употребляется форма «бояр», в договоре Игоря — «боляр»; Святослав обращается к «болярам» (ПВЛ. С. 48), а его сын Владимир советуется с «боярами» (ПВЛ. С. 74), но раньше Владимировы «старцы и боляре» мечут жребий, выбирая жертву богам (ПВЛ. С. 58). Полагаем, что эти формы в летописном употреблении равнозначны.

Не посягая на существующее в исторической науке убеждение, что боярство как сословие складывается только к середине—второй половине XII в.,⁴³ должны отметить, что, судя по словоупотреблению в ПВЛ, боярство — хорошо известная и понятная летописцам XI—начала XII в. категория. Термин этот используется летописцами в очень разных контекстах, которые ниже мы пробуем перечислить.

Во-первых, «боярство» обозначает *социальную принадлежность* персонажей: «...бьста у него (Рюрика) 2 мужа, не племени его, но боярина. и та

⁴⁰ Впрочем, М. Б. Свердлов считает его братом Яна (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 527).

⁴¹ В XIX в. преобладало мнение о скандинавском происхождении и термина (bo-jarl) и явления. См.: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 3. С. 400—401; *Ламбин И.* Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. 1874. Ч. 174. Июль. С. 70; *Ключевский В. О.* Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 1. С. 144. Этимологи XX в. обратились к тюркским языкам. См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 203—204; *Ловлянский Х.* О происхождении русской о боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 93—100; *Завидская С. В.* «Боярин»—«Боярин» в древнерусских письменных источниках // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 89—94; *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. С. 110 под. «Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд» (Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1975. Вып. 2) не фиксирует лексем с корнем «bojar».

⁴² Если предположить, что разные формы принадлежат разным летописцам, возникает вопрос отсутствия их унификации редактором, поздним летописцем, особенно в позиции их текстуального соседства.

⁴³ См.: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 589.

испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ» (ПВЛ. С. 18); «...призва Путшю и вышегородскыѣ боярьцѣ» (ПВЛ. С. 90) и т. п. Отметим попутно, что боярин, как видно из первого примера, тот, кто имеет «свой род».

Далее, бояре/боляре — *ближайшее окружение князя*:⁴⁴ «...обѣдаша братья (князья. — А. Ш.) на скупѣ, кождо с бояры своими, с любовью великою» (ПВЛ. С. 121, здесь же называется по имени один из бояр — Чюдин); бояре сопровождают князя в важных церемониях: «...изиде противу ему благовѣрный князь Всеволодъ с своима сынѣма, — с Володимеромъ и Ростиславомъ, — и вси боляре» (ПВЛ. С. 136); бояре оплакивают умершего князя: «И плакашеся по немъ бояре и дружина его вся» (ПВЛ. С. 196). Бояре — ближайшие не только к русскому князю, но и к греческому царю «мужи»: «Се слышавъ царь посла к Игорю лучиѣ боляре, моля и глаголя...», «Романъ же созва боляре и сановники» (ПВЛ. С. 34); они — советники князя и царя: «...созва Володимерь боляры своя и старци градскыѣ» (ПВЛ. С. 74), «...рѣша боляре и старци: „Вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить...”» (ПВЛ. С. 74), «...созва царь боляре своя в полату ... И рѣша ему боляре» (ПВЛ. С. 50), «...созва царь боляры ... И рѣша боляре» (ПВЛ. С. 51).

Бояре могут выступить как сила, не всегда солидарная с князем: «Наутрия же Святополкъ созва боляръ и кыянь... И рѣша боляре и людье: „Тобѣ, княже, достоитъ блюсти головы свое...”» (ПВЛ. С. 172). В дальнейшем выясняется, что бояре не готовы поддержать князя в его санкциях против Василька Теробовльскаго. Новгородские бояре, настаивая на угодном им князе, решительно противопоставили свою волю воле того же Святополка: «И рѣша новгородци Святополку: „Се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хотимъ Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли ѣ...”» (ПВЛ. С. 182). В тексте они, правда, боярами не называются, но послами к князю могли быть только бояре, да и какая иная среда могла таким образом общаться с киевским князем?

Боярство в ПВЛ — это *социальная группа, интегрированная в социальную структуру* древнерусского общества, ее необходимый слой: «...собрашася епископи, и игумени, и черноризци, и попове. и боляре, и простии людье» (ПВЛ. С. 142). «...приходити боляром, и гридем, и съцьскимъ, и десяцьским, и нарочитымъ мужем» (ПВЛ. С. 86), «...створи праздникъ великъ въ тѣ день боляромъ и старцемъ градским и убогим раздая имѣнье много» (ПВЛ. С. 85) и т. п. Заметим, кстати, что наряду с интеграцией существовала и дифференциация разных слоев древнерусского общества: «...плакашася по немъ. боляре аки заступника ихъ земли, убозии аки заступника и кормителя» (ПВЛ. С. 89).⁴⁵

⁴⁴ По наблюдению А. С. Демина, в социальных перечнях летописца бояре неизменно оказываются на первом месте (*Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Иллариона до Ломоносова. М., 2003. С. 58*).

⁴⁵ В последующем летописании социальная дифференциация оплакивающих князя могла возрастать. Великого владимирского князя Константина Всеволодовича, умершего в 1218 г., «боляре» оплакивали «яко заступника земли», слуги «яко кормителя и господина», «убозии и черноризци яко утѣшень и одѣнье наготѣ их»; родственники «аки по отци и по брате любимѣмъ», но все его признавали «во отца мѣсто» (ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 443—444. См. также: *Пауткин А. А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М., 2002. С. 210*).

С боярством сопряжены *властные функции*, в том числе в международных отношениях. Русские послы говорят от имени князя, бояр и всех людей русских: «...от Игоря и от всѣхъ боярь и от всѣхъ людей от страны Руския» (ПВЛ. С. 38—39); договор 912 г. заключается от имени Олега и от находящихся под его рукою «свѣтлыхъ и великихъ князь, и его великихъ боярь» (ПВЛ. С. 26). Точно такой же выглядит и греческая сторона: «...створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ боярьствомъ и со всѣми людьми греческими» (ПВЛ. С. 35) и т. п. Бояре и сами иногда оказываются послами: «Се слышавъ царь посла к Игорю лучиѣ бояре, моля и глаголя» (ПВЛ. С. 34).

В описаниях воинских событий иногда отмечается гибель бояр: «...мнози бо падоша от полка его, и бояре его (Владимира Мономаха) ту падоша» (ПВЛ. С. 144), «...убита и пископа ихъ (венгров) Купана и от боярь многы...» (ПВЛ. С. 179). Бояре — важная военная добыча: «Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославль» (ПВЛ. С. 97).

Бояре *творят религиозный обряд*, и языческий: «И рѣша старци и бояре: „Мечемъ жребий на отрока и дѣвицю”» (ПВЛ. С. 58), и христианский: «взяша раку Борисову, и вѣставиша ѿ на возила, и поволокоша ужи князи и бояре» (ПВЛ. С. 199), «Князи же и бояре, и вси людие празноваша по три дни и похвалиша Бога и святою мученику» (ПВЛ. С. 200). Важно, чтобы именно этот слой прошел через посвятельный религиозный обряд: «Царь же крести князя ихъ и бояры вся, и миръ створи с болгары» (ПВЛ. С. 18). Аналогичная ситуация в Киеве поясняет, почему важно было крестить вначале бояр: «Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголюще: „Аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре прирjali”» (ПВЛ. С. 81).

Бояре — *богатые люди*, но социальная справедливость состояла в том, что в случае необходимости они платили суммы, гораздо более крупные, чем простые люди: «Начаша скоть събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен» (ПВЛ. С. 97). Бояре строили церкви и монастыри: «Мнози бо манастыри от цесарь и от боярь и от богатства поставлени» (ПВЛ. С. 107). Однако это не всегда спасало их в социальных конфликтах: восставший народ «избиша епископы, и попы, и бояры своя» (ПВЛ. С. 101). Правда, восстание это происходит в «лядьской» земле после смерти Болеслава Великого в 1031 г., но русские князья, Ярослав и Мстислав, воспринимают это как свое домашнее дело и спешат подавить мятеж.

В ПВЛ редкие бояре названы по именам, обычно о них говорится в собирательном смысле — «бояры». В положительном плане, кажется, никто из бояр персонально на страницах ПВЛ не отмечен; как «злодеи», исполнители братоубийственной воли Святополка, упоминаются Путьша и вышегородские «боярьци» Талец, Еловить и Ляшько, совершившие нападение на Бориса.⁴⁶

Хотя это не всегда ясно обозначено, но бояре — это та влиятельная и активная среда, с которой князь должен был считаться, во всяком слу-

⁴⁶ Преимущественно негативная окраска в изображении боярства сохраняется и в летописании XII–XIII вв. См.: *Вилкул Т. Л.* Летописные «бояре» и «чернь» на вече (XII–XIII вв.) // *Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 81–83.*

чае, князья после «лет Ярослава» — времени начала распада Киевской Руси. Бояре, видимо, сыграли немалую роль в конфликтах между Ярославичами. Недаром Изяслав, возвращаясь в Киев, учинил руками своего сына расправу над многими киевлянами, но твердая позиция тех же бояр спасла Киев от большого разорения: польские войска, поддерживающие Изяслава, в город не вошли.

С боярством в значительной мере должен был считаться Владимир Мономах, много лет положивший на то, чтобы завоевать доверие киевского боярства.⁴⁷ Поразительные иногда военные успехи изгоя Олега Святославича в его упорной борьбе со старшими Ярославичами и с Владимиром Мономахом объясняются исследователями совпадением его интересов с интересами чернигово-северского боярства, склонного к выходу из-под обременительного подчинения Киеву.⁴⁸ Значение боярства несомненно усиливалось при обострении междоусобных раздоров, когда положение князей становилось шатким, и несколько ослабевало при упрочении княжеской власти. Бояре жалуются на утрату своего влияния при правлении Всеволода и при Святополке,⁴⁹ когда князья начали ориентироваться на «младшую» дружину.

Похоже, что неустойчивое положение князя играло на руку боярству; во всяком случае, во второй половине XI в. зависимость от князя начинала тяготить это сословие. Разумеется, стабильная ситуация в княжестве есть необходимая предпосылка для развития и преуспевания боярского хозяйства. Но сильный князь мог посягнуть на боярскую самостоятельность, слабый же был послушным орудием в их руках. Интересы боярства находились на грани между стабильностью и нестабильностью; в наибольшей степени их, видимо, устраивало состояние мира при слабом зависимом князе.

При старших, «первых» князьях боярство находилось в процессе становления, в это время была обязательна их служба князю. Четкая иерархия княжеского окружения хорошо просматривается в перечне тех, кому можно было приходиться на пиры к Владимиру: «боляром, и гридем, и съцьскимъ, и десяцьским, и нарочитымъ мужем». Перед нами структура военно-государственного аппарата. Бояре открывают перечень.⁵⁰

В памятнике, современном летописи, — Житии Феодосия Печерского — есть несколько эпизодов, способных дополнить сведения ПВЛ о боярстве.⁵¹ Особенно любопытна фигура первого (по рангу) боярина князя Изяслава — Иоанна. Сын Иоанна постригся в монахи у печерских отцов. Одновременно постригся и некто вроде дворецкого князя — скопец, наре-

⁴⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII--XIII вв. С. 459--462.

⁴⁸ Мавродин В. В. Очерки Левобережной Украины: (С древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940. С. 148--149.

⁴⁹ Ср.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. С. 249--254.

⁵⁰ Об институте боярства см.: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 41--48; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества Древней Руси. Л., 1983. С. 41--46, 199--202; Впрочем, М. Б. Свердлов считает, что неопределенный термин «бояре» относился скорее к общественной, нежели к государственной сфере (Домониольская Русь. С. 529--530).

⁵¹ Об употреблении Нестором термина «бояре» в Житии Феодосия см.: Завидская С. В. «Боярин»--«боярин» в древнерусских письменных источниках. С. 93.

ченный в монашестве Ефремом. Изяслав пришел в великий гнев, так как пострижения эти были совершены без его согласия и без согласия боярина Иоанна. Князь попытался вернуть постриженников в мир, но успеха не добился и принужден был отступить. И вот, несмотря на то что сам князь примирился с монахами, боярин Иоанн имел достаточно власти, чтобы со своими отроками пойти на «святое стадо» и, разогнав монахов, вывести из монастыря своего сына. Сын, правда, затем вернулся в монастырь, но это уже целиком заслуга его личного упорства.⁵²

Бояре составляли княжескую дружину, во всяком случае, дружину «старшую», «первую». Так, например, в ситуации, когда послы, «испытывающие» вероисповедания на местах, доложили Владимиру о своих впечатлениях, «созва князь боляры своя и старца» и повелел послам: «Скажите пред дружиною» (ПВЛ. С. 75), т. е. «боляра и старца» здесь и есть «дружина».

Слово «дружина», судя по летописным контекстам, весьма аморфно, им обозначаются самые разнообразные группы и организационные структуры.⁵³ В частности, этим словом может обозначаться и очень небольшой круг людей, и многотысячное войско. Примером первого является ситуация, в которой Владимир Мономах, прогнав Ярополка, «мать Ярополчю, и жену его и дружину его приведе Киеву» (ПВЛ. С. 136) — мать, жена и дружина здесь сопоставимые величины. Есть контексты, в которых дружина прямо мыслится как продолжение княжеского семейства: «Святополкъ же прибѣже Володимерю, и с нимъ сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша, сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружина» (ПВЛ. С. 179). Цифровое уточнение малой дружины находим в дневнике Мономаха: «...ѣххом сквозѣ полкы половъчскыѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами» (ПВЛ. С. 160), т. е. всей дружины вместе с женами и детьми было меньше ста человек. Но «дружина» уравнивается с армией в словах Святослава «пону в Русь, приведу боле дружины» (ПВЛ. С. 51),

⁵² Если справедливо отождествление этого Иоанна с Яном Вышатичем, то, по свидетельству ПВЛ, Феодосий сумел примириться с боярином, и Ян вместе с женой Марией стали его духовными детьми и были затем похоронены в стенах Киево-Печерского монастыря. При этом сбылось пророчество Феодосия, данное Марии, что она будет похоронена около того места, где будет лежать сам Феодосий, что и произошло после перенесения мощей Феодосия (ПВЛ. С. 139—140). Сохранилось и иное документальное свидетельство их близости, приведенное В. В. Дергачевым. В списке с Устава, введенного Феодосием в Печерском монастыре (список сохранился в Благовещенском монастыре Новгорода), на листе с указанием порядка чтений на первую неделю Великого поста имелась приписка, относящаяся к монастырскому обиходу: «...поминати Ермана, Ивана, Марью». В Германе В. В. Дергачев видит постриженника Печерского монастыря, впоследствии игумена Киево-Спасского монастыря (до 1078 г.) и новгородского епископа (ум. в 1095 г.), а в Иване и Марии — Яна Вышатича и его жену, ставших духовными чадами Феодосия и информаторами летописца. См.: *Дергачев В. В.* Вселенский синодик в древней и средневековой России. С. 18.

⁵³ Интересующихся институциональным значением термина в Древней Руси отсылаем к вышеупомянутым работам А. А. Горского и М. Б. Свердлова, особенно к «Домонгольской Руси» последнего, где в разных главах содержится и историко-рафическое обозрение и исследование, учитывающее динамику института и его различные формы. См. также: *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. С. 108—115; *Горский А.* Дружинное государство // *Родина*. 2002. № 9; *Николюцкий С. Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // *Средневековая Русь*. М., 2004. Вып. 4. С. 5—48.

ибо эта «дружина» нужна Святославу для продолжения войны с Византийской империей; войско, конечно, имеется в виду в словах «дружины убиша 9 тысящъ» (ПВЛ. С. 186). И все же из большинства контекстов видно, что дружина — это ограниченное окружение князя, для сколько-нибудь масштабных боевых действий нужны «вои/вое». М. П. Погодин, классифицируя древнерусскую воинскую структуру, писал: «Если воев уподобить приблизительно нашей армии, то дружину должно уподобить гвардии, гридьбу дворцовой роте, а отроков свите».⁵⁴ Святослав, спеша на выручку Киева, «вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею», но, для того чтобы отогнать печенегов, осаждающих город, ему приходится собирать «воев» (ПВЛ. С. 48) — одной дружиной тут не обойтись. Дружина всегда при князе, воев же собирают в случае надобности.⁵⁵ «Ольга съ сыном своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Дервьську землю» (ПВЛ. С. 42), «Святополкъ же поча сбирати вое, хотя на ня» (ПВЛ. С. 143); могла быть объявлена и всеобщая мобилизация: «повелѣ (Изяслав) сбирати вои от мала до велика» (ПВЛ. С. 133).

Термин «вои» употребляется, когда князь собирает полиэтническое войско: «Игорь же совкупивъ вои многи, варяги, Русь, и поляны, словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ, и печенѣги наа...» (ПВЛ. С. 33), «Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи» (ПВЛ. С. 54), «Ярославъ събра вои многы, варягы и словѣни» (ПВЛ. С. 101); о «воях» говорится, когда несколько князей собирают объединенное войско: «Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ совокупиша вои бесчислены» (ПВЛ. С. 109). Этим же словом обозначается не только русское, но и иноземное крупное войско: «Михаиль царь изиде с вои брегомъ» (ПВЛ. С. 17), «Потомъ же пришедъшемъ воемъ от вѣстока, Памфиръ деместикъ съ 40-ми тысящъ» (ПВЛ. С. 33).

Можно привести примеры, доказывающие явное разграничение понятий «вои» и «дружина» в словоупотреблении летописца: «...сѣде ту с вои и съ дружиною своею» (ПВЛ. С. 55), «Рѣша же ему дружина отня: „Се дружина у тебе отня и вои...“» (ПВЛ. С. 90), но можно привести и примеры их неразличения: «И рече Святославъ воемъ своимъ: „Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!“» (ПВЛ. С. 50) — обращаясь к «воем своим», Святослав называет их «дружиной».⁵⁶

Рассмотрим употребление этих понятий в пределах одного сюжета. В 1043 г. Ярослав посылает своего сына Владимира на греков, «вда ему вои многы». Поход был водным — «в лодьях». Уже вблизи Царьграда случилась сильная буря, разбившая многие корабли руси, в том числе княжеский корабль. Воевода Ярослава Иван Творимиричъ взял князя Владимира на свой корабль. 6000 «воев» (второй раз повторяется этот термин)

⁵⁴ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 3. С. 233.

⁵⁵ Ср.: Пресняков А. Е. Кормилец, воевода, тысяцкий. С. 158—161.

⁵⁶ Автор специального исследования понятия «вои» приходит к близким выводам: «...часто встречающееся в летописании слово „вои“ не является строго определенным термином. Оно может прилагаться к совершенно разным объектам: дружине, всему войску, части войска, наемникам и т. д. Часто слово „вои“ использовалось в источниках с целью подчеркнуть непостоянный, нерегулярный характер войска, обычно в противовес дружине» (Лукш П. В. Древнерусские «вои». IX—начало XII в. // Средневековая Русь. Вып. 5. С. 56--57).

были «вывержены» на берег и хотели возвращаться на Русь. В этот момент в русском войске произошла какая-то размолвка, ибо «не идяше с ними никто же от дружины княжее». Вои без представителей княжеской дружины оказываются недееспособны. Конфликтную ситуацию разрешает другой воевода — Вышата, принимая на себя руководство частью войска, оставшейся без судов. В его словах 6000 «воев» становятся «дружиной» («аще погыну, то с дружиною»). У руси, однако, еще оставалось немало целых судов. Во всяком случае, Владимир с «дружиной» перехватил 14 греческих «олядий», отправленных вдогонку за уходящим войском, и сумел их разбить, после чего на своих судах вернулся на Русь. Вышата же с пешим войском был пленен (ПВЛ. С. 103—104). Как видим, строгого разграничения понятий «вои» и «дружина» у летописца даже в пределах единого повествовательного фрагмента нет. Изредка встречается форма «воины»: «...пришедь с воины, посла Новугороду» (ПВЛ. С. 195), «...сколько воин у брата твоего» (ПВЛ. С. 55), «...воини же присыпаху боле, а Володимерь стояше» (ПВЛ. С. 76). Несомненно, что в тексте ПВЛ понятие «дружина» — более емкое и многозначное, нежели «вои».

Дружина способна делиться на части, возможно, в ее структуре была какая-то дифференциация. есть устойчивое понятие «малой дружины»: «Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде» (ПВЛ. С. 92). В IX—X вв. слитность князя с дружиной была более тесной, а сама дружина более однородной. В XI в. дистанция между князем и дружиной увеличивается,⁵⁷ дружина начинает расслаиваться на «первую» (старшую) и «младшую»: Всеволод Ярославич в конце жизни стал пренебрегать интересами «дружины своя первая» и «нача любити смыслъ уных, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своя первая» (ПВЛ. С. 142); «Святополкъ же, не здумавъ с болшею дружиною отнею...», укоряется в том, что «совѣтъ створи с пришедшими с нимъ» (ПВЛ. С. 143). «Младшая» дружина обвиняется в антисоциальном поведении: «...начаша ти унии грабити, людей продавати» (ПВЛ. С. 142). Таким образом, видно, что «большая» — это еще и «отнятая» и, возможно, уже связанная с территорией, тогда как «младшая» — мобильная, хищная, передвигающаяся вместе с князем.⁵⁸ Младшую дружину один князь может одолжить у другого для боевых действий: «...дайте ми дружину свою молотшую» (ПВЛ. С. 176). Дружинная дифференциация была, видимо, и у половцев: «Итларь бысть в градѣ с лѣпшею дружиною» (ПВЛ. С. 148).

Не ясно, какая дружина имеется в виду в статье 1068 г., когда взбунтовавшийся народ идет освобождать Всеслава и при этом бунтари говорят: «Поидем, высадим дружину свою ис погребѣ» (ПВЛ. С. 114). По прямому контексту приходится допускать, что полоцкий князь Всеслав, его дети и

⁵⁷ См.: *Пресняков А. Е.* Княжеское право в древней Руси. С. 230—233; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. С. 249—254; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 39—41.

⁵⁸ В так называемом «сгущении» НЛЛ говорится о том, что при «древних» князьях дружина кормилась «воююще ныи сграны», а в нынешнее время (г. е. около 1095 г.) основным источником обогащения стали «вирь» и «продажи», от которых страдают свои люди. При этом «древни» князья и дружина «не складаху на своя жены златыхъ обручи, но хожашу жены ихъ в серебряныхъ; и росплодши были землю Руськую» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 104).

должно быть, арестованные с княжеским семейством Всеславовы мужи определяются здесь как «своя дружина» для восставших киевлян. Хотя, скорее всего, следует предположить, что Изяслав уже успел арестовать часть тех киевлян, которые настаивали на немедленном продолжении сражения с половцами, и речь идет об их освобождении.⁵⁹

Денотат «вои» мыслим только в воинских контекстах, функции дружины многочисленны. Прежде всего, князь «думает» с дружиной: «Игорь же... созва дружину, и нача думати» (ПВЛ. С. 34), Святослав «поча думати съ дружиною своею» (ПВЛ. С. 51) и т. п. Круг вопросов, о которых князь «думает» с дружиной, достаточно широк. Есть некие обобщающие формулировки: «Бѣ бо Володимерь любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣм...» (ПВЛ. С. 86). Владимир Мономах «сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати...» (ПВЛ. С. 158).

Дружина участвует:

в установлении государственного порядка: «...иде Вольга по Дервьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки» (ПВЛ. С. 43);

в выработке стратегии государственной политики: «„Аще ли почнетъ (царь греческий. — *А. III.*) не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множайша, поидемъ Царюгороду”. Люба бысть рѣчь си дружинѣ...» (ПВЛ. С. 51);

в межгосударственном общении: можно думать, что послы, ведущие переговоры с греческой стороной, — это тоже «дружина» (ПВЛ. С. 34, 35, 52);

в дипломатических акциях межкняжеских отношений: «...рѣша деревляне к Ользѣ: „Кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?“» (ПВЛ. С. 42), «...азъ пошлю молится з дружиною своею къ отцю своему» (ПВЛ. С. 169);

в ответственных переговорах князей на княжеских съездах: «...ста Святополкъ с своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ с своею разнo, кромѣ собе» (ПВЛ. С. 181), «...сѣде Святополкъ с своею дружиною, а Володимерь с своею въ единомъ шатрѣ» (ПВЛ. С. 183). Владимир, полемизируя со Святополком, обращается не к князю, а к дружине: «И рече Володимерь: „Дивно ли, дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите...“» (ПВЛ. С. 183);

в церемониальных актах: «Глѣбъ же, вышедъ из города съ дѣтми и съ дружиною, поклонися Володимеру...» (ПВЛ. С. 201);

в формировании общественного мнения: «Како азъ хочу инъ законъ прияти единь? А дружина *моа* сему смѣятися начнуть» (ПВЛ. С. 46), «Скажите пред дружиною» (ПВЛ. С. 75), — велит Владимир послам, рассказывающим о своих впечатлениях о разных вероисповеданиях;

в акте крещения: «Се же (личное крещение Владимира) видѣвше дружина его, мнози крестишася» (ПВЛ. С. 77).

⁵⁹ П. В. Лукин считает, что речь идет о какой-то группе киевлян, арестованных Изяславом еще до столкновения с половцами (Лукин П. В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании. С. 104—105).

Дружина постоянно при князе. Князь «сидит» в окружении дружины: «...сѣдоша въ единомѣ шатрѣ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею» (ПВЛ. С. 190), «Володимеръ... сѣде ту с вои и съ дружиною своею» (ПВЛ. С. 55). Порой князь оказывается исполнителем воли дружины, а не наоборот. Укажем на Игореву дружину, побуждающую князя на сбор дани; Святослав, ссылаясь на реакцию дружины («смѣяться начнуть»), отказывается креститься. Дружина склоняет князя к решению, в правильности которого князь сомневается: «...начаша думати дружина Ратиборя со княземъ Володимером о погубленьи Итларевы чади, Володимеру же не хотящу сего створити, отвѣща бо: „Како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ”. Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: „Княже! Нѣту ти в томъ грѣха; да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую, и кровь хрестыянску проливають бесперестани”. И послуша ихъ Володимеръ...» (ПВЛ. С. 148). Надо отметить, что дружина, уговаривающая Мономаха, здесь определяется не по князю, а по воеводе — Ратибору. Дружина вообще нередко проявляет инициативу, если князь не обнаруживает достаточной активности. «Рѣша же ему (Борису) дружина отня: „Се дружина у тебе отня и вои. Поиди. сяди Кыевѣ на столѣ отни”» (ПВЛ. С. 90). Хотя слово «дружина» не звучит в эпизодах, когда воины-новгородцы побуждают Ярослава не терпеть оскорблений киевлян и немедленно обрушиться на них (ПВЛ. С. 96) или когда те же новгородцы во главе с воеводой Коснятиным разрубают лады Ярослава, намеревающегося бежать к варягам (ПВЛ. С. 97), конечно только дружина могла позволить себе столь напористое поведение по отношению к князю. Впрочем, устремления князя и дружины не могут расходиться слишком далеко, дружина в сущности требует от князя более совершенного исполнения роли ее предводителя. «Мужи смыслении», т. е. «старшая дружина», способны одернуть князей, напомнить о главном их долге: «...рѣша има мужи смыслении: „Почто вы распрія имата межи собою? А погании губять землю Русьскую. Последи ся уладита, а нонѣ поидита противу поганым любо с миромъ, любо ратью”» (ПВЛ. С. 143). Но и князь (неважно, что в данном случае это поляк) может укорить дружину, если та не блюдет чести своего князя: «Болеславъ къ дружинѣ своей: „Аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну”» (ПВЛ. С. 97).

На дружину опирается князь в конфликтных (социально-конфессиональных) ситуациях: «...князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва» (ПВЛ. С. 121).

Князь может расправиться с дружиной, как это сделал Ярослав, защищая варягов, но он же на следующий день вынужден каяться в содеянном и просить дружину о помощи: «О, любя моя, дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе» (ПВЛ. С. 95).⁶⁰

⁶⁰ Другая остроконфликтная ситуация, но уже не с дружиной, а с войми (о которой уже упоминалось выше), разыгралась в 1068 г.: после поражения Ярославичей от половцев, горожане, видимо, вместе с окрестными смердами, из числа которых и мобилизовывались «вои», потребовали от Изяслава оружие для продолжения борьбы с половцами. Изяслав отказался вооружить киевлян, но народ не смирился с решением князя и начал творить свою волю. Князь и бояре наблюдали из княжеского терема за размахом народного мятежа.

Исконная функция дружины — все же, видимо, *воинская*: «...рече Свънелдъ и Асмолдъ: „Князь уже почаль; потягнѣте, дружина, по князь”» (ПВЛ. С. 42). Одним из наиболее часто встречающихся выражений, употребляемых летописцем в связи с дружиной, является — «исполчи(въ) дружину». «Ярославъ же заутра, исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся» (ПВЛ. С. 96), «Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави сѣверь в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома» (ПВЛ. С. 100), «Ростиславъ, исполчивше дружину» (ПВЛ. С. 144) и др. (См. ПВЛ. С. 101, 117, 151, 168, 169, 178, 179).

Перед боем князь вдохновляет дружину: «И видѣвъ Святославъ множество ихъ, и рече дружинѣ своей: „Потягнѣмъ, уже нам не лзѣ камо ся дѣти”. И удариша в конѣ, и одолѣ Святославъ в трех тысячахъ, а половець бѣ 12 тысячѣ» (ПВЛ. С. 115). Святослав Ярославич здесь почти цитирует обращение к дружине «старого» Святослава — Игоревича: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ» (ПВЛ. С. 50). Дружина/вои не отделяет свою судьбу от судьбы князя: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ» (ПВЛ. С. 50), но и предводитель дружины, воевода не отделяет своей судьбы от судьбы дружины: «Аще живѣ буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною» (ПВЛ. С. 104).

Князь с дружиной просит благословения у монаха: «Изяславъ же, увѣдѣвъ житѣе его, приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы» (ПВЛ. С. 105), «обычай имяше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, толи поклонивъся у гроба Феодосиева и молитву вземъ у игумена, ту сушаго, то же идяше на путь свой» (ПВЛ. С. 186—187).

Князь заботится о сохранении дружины: «...рече Редедя къ Мьстиславу: „Что ради губивѣ дружину межи собою? Но снидеве ся сама бороть. Да аще одолѣеши ты, то возмеша именье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твое все”» (ПВЛ. С. 99). И сам Мстислав в битве с Ярославом располагает полки так, чтобы уберечь свою дружину: «Мьстиславъ же, о светѣ заутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчени от своих сѣверь и варягы Ярославлѣ, и рече: „Кто сему не радъ? Се лежит сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла”» (ПВЛ. С. 100). В межкняжеских конфликтах дружина иногда арестовывается (ПВЛ. С. 136), в таком случае князь заботится о возврате дружины: «...а дружину, юже еси заль, вороти» (ПВЛ. С. 169).

Дружина вместе с князем торжествует победу: «Ярославъ же сѣде Кыевъ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ» (ПВЛ. С. 98).

На воев и дружину берут дань: «И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключъ» (ПВЛ. С. 24). «И рѣша гръци: „Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою...”». Здесь под дружиной имеется в виду все войско: «... и повѣжьете ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы» (ПВЛ. С. 50). Дружину разводят на «покорм»: «Разведѣте дружину мою по городомъ на покоръмъ» (ПВЛ. С. 97), «...распусти дружину по селом» (ПВЛ. С. 169).

Князь пьет с дружиной (не думаю, что это чисто бытовой акт): Святополк «всю ночь пилъ бѣ с дружиною своею» (ПВЛ. С. 96), «...единою же

пьющую Ростиславу с дружиною своею» (ПВЛ. С. 111) и одаривает ее. Подвыпившая дружина требует от Владимира заменить деревянные ложки серебряными, и Владимир охотно выполняет требование: «Сребромъ и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налезу сребро и злато...». Дело, конечно, не только в личной щедрости князя — за этим стоит обычай, устоявшиеся нормы отношений князя и дружины, что прямо следует из продолжения речи Владимира: «...яко же дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра» (ПВЛ. С. 86). Причем это не только русский обычай. Немецкие послы укоряют Святослава Ярославича за то, что его богатство «лежить мертво», и почти повторяют слова Владимира: «Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего» (ПВЛ. С. 131). Сокрытое, неподвижное богатство ненадежно. В том, что это так, летописца убеждает и опыт библейской истории: «Сице ся похвали Иезекий, цесарь иудѣйскъ, к посломъ цесаря асурійска, его же вся взята быша в Вавилонъ: тако и по сего смерти все имѣнье расыпаса разнѡ» (ПВЛ. С. 131).⁶¹

Дружина оплакивает князя: «Ярополкъ же идяше по немь, плачяся с дружиною своею: „Отче, отче мой!“» (ПВЛ. С. 133), «...плакашеса по немь бояре и дружина его вся» (ПВЛ. С. 196); отношение к дружине входит в некролог князю: «Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицом, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше» (ПВЛ. С. 101).

Как и боярство, дружина упоминается обычно в собирательном значении.⁶² По именам названы лишь те дружинники, которые сыграли какую-либо роль в жизни князей. Впрочем, роль эта однотипна: верный дружинник предупреждает князя о смертельной опасности, князь не слушается. Дружинник стремится до конца отстоять жизнь князя. Таков верный Варяжко, приближенный Ярополка Святославича. Лишь вероломство Блуда, захлопнувшего перед ним дверь, помешало ему, видимо, разделить участь Георгия Угруна, вступившегося в аналогичной ситуации за Бориса

⁶¹ Сентенции этих двух летописных эпизодов использовал Даниил Заточник: «Златом бо мужей добрыхъ не добудешъ, а мужми злато, и сребро, и градов добудеш. Тѣм и Езекия, царь Израилевъ, похвалился посломъ царя Вавилонского, показа имъ множество злата своего: они же рекоша: „Нашъ царь богатѣ тебе не множествомъ злата, но множествомъ храбрыхъ и мудрыхъ людей“» (Древняя русская литература: Хрестоматия / Сост. Н. И. Прокофьев. М., 1988. С. 124). Автор «Моления» почти цитирует Владимира, а затем пересказывает аналогию с Иезикией, использованную в ПВЛ в применении к Святославу Ярославичу. Эту сентенцию, восходящую к пророчеству Исаии (Ис. 39: 1—6), хорошо знали в Древней Руси, но Исаия пророчествовал только о расточении богатства Езекии, тогда как и в летописи, и у Даниила Заточника акцент пришелся на воинов, способных добыть богатства: «Нашъ царь богатей тебе не множествомъ злата, но множествомъ воя, зане мужи злата добудуть, а златомъ мужей не добыти» (БЛДР. Т. 4. С. 274). О сакральном значении «щедрости—жадности» князя в отношении к дружине см.: *Гуревич А. Я.* История и сага. М., 1972. С. 84, 95.

⁶² М. Б. Свердлову принадлежит наблюдение, что в древнерусском языке старшей поры есть слово «дружина», но нет слова «дружинник»: «относящиеся к *дружине* люди обозначаются другими, социально-возрастными или заимствованными терминами — мужи, отроки, детские, гриди» (Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 262). Действительно. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) (М., 1990. Т. 3) не знает слова «дружинник», в Словаре русского языка XI—XVII вв. (М., 1977. Вып. 4. С. 363—364) оно фиксируется по памятникам XVI в. и имеет значения «должностного лица в вотчине, помощника ключника», «наемного работника в церковной вотчине», но не воина.

и лишившегося головы. Сходную роль играет некий «детский» (младший дружинник⁶³) в истории ослепления Василька Теробовльского. Единообразие и устойчивость фигуры верного дружинника и его «функции» наводит на мысль о фольклорных истоках его образа и роли.

Верхние социальные слои не могли существовать без той основы, на которой держится любое государство, — народа. И тем не менее народ крайне редко становится объектом изображения летописца. На всем пространстве ПВЛ⁶⁴ слово «народ» употреблено 9 раз: три раза в Лаврентьевской части, т. е. до 1110 г. и шесть раз в ее окончании по Ипатьевскому списку (1110—1117 гг.).⁶⁵ Несравнимо чаще летописец использует слова «людые» и «люди» (в том или ином грамматическом оформлении). Заметных семантических отличий между словами «народ» и «люди» нет: и в том и в другом случае имеется в виду прежде всего количественное значение — «множество людей», «толпа».⁶⁶ Встречаются и специальные формы для обозначения людского множества: «люди многы» (ПВЛ. С. 85), «бещисленое множество народа» (ПВЛ. С. 85), «людий много множество» (ПВЛ. С. 114), «бе-щисла людий» (ПВЛ. С. 81).

Попробуем обозначить контексты или семантические сегменты, в которых фигурирует понятие «людые/народ».

Употребляется это понятие для *этнической идентификации*. Например: «...новугородьци, ти суть людые нугородьци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни» (ПВЛ. С. 18); они же имеются в виду, когда апостол Андрей определяет их через обычаи: «...видѣ ту люди сущая, како есть обычай имѣ, и како ся мыють и хвощются. и удивися имѣ» (ПВЛ. С. 12); этнос определяется по какому-либо качеству: «...югра же людые есть языкъ нѣмъ» (ПВЛ. С. 167). Этническое обозначение может быть кратким: «людые жидовьстии» (ПВЛ. С. 66, 72). Имя этноса может отсутствовать, но указывается «общеизвестное» событие, с ним связанное: «Си суть людые заклепени Александром, Македоньскимъ цесаремъ» (ПВЛ. С. 167). Этнические, они же и государственные, определения необходимы в дипломатических акциях: «от всѣхъ людий Руския земля», «со всѣми людьми гречьскими» (ПВЛ. С. 35); «...людые вси рустии послаша ны къ Роману» (ПВЛ. С. 35, см. также: С. 39, 52 и др.).

Этническое может соединяться с *социальным, иерархическим*: «...от князь или от людий руских» (ПВЛ. С. 39), «...со всѣми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии» (ПВЛ. С. 52), «...къ великому князю рускому Игореву и к людемъ его» (ПВЛ. С. 38), «...ходи Игорь ротѣ и люди его» (ПВЛ. С. 39). Иерархическое может выступать и в чистом виде: «...еже есть от цесаря и до простыхъ людий» (ПВЛ. С. 95), «...собраша епискоши, и игумени, и черноризьци. и полове, и боляре, и прости людые» (ПВЛ. С. 142), «...князи же и бояре, и вси людие празноваша по три

⁶³ Об «отроках» и «детских» см.: Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 50—54; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 537—539.

⁶⁴ Как и выше, имеем в виду издание ПВЛ 1950 г.

⁶⁵ Ср.: Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет»: (Словозаказатели и частотный словник). Киев. 1984. С. 87, 196. Из 6 употреблений в Ипатьевском списке 4 приходится на одну страницу статьи 1115 г. о втором перенесении мощей Бориса и Глеба.

⁶⁶ См.: Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 224—225.

дни» (ПВЛ. С. 200). Социальная идиллия, однако, нередко нарушается: «...людем не доходити княже правды» (ПВЛ. С. 142), «людий продавати» (ПВЛ. С. 142); может происходить опасное размежевание разных социальных групп: «...дружина ... идоша и сташа у епископа, а люде вси идоша за волхва» (ПВЛ. С. 121).

Иногда нужно *ограничительное количественно-этническое* определение: «Аще ли кто от людий царства нашего» (ПВЛ. С. 36). Часто используются разного рода локализирующие этнические обозначения: «...хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими» (ПВЛ. С. 41), «...не пустять мене люде киевстии» (ПВЛ. С. 41), «...жряху ему люде ноугородьстии аки богу» (ПВЛ. С. 56), «...придоша люде ноугородьстии» (ПВЛ. С. 49), «корсуньстии люде» (ПВЛ. С. 111), «...люде киевстии прибѣгоша Киеву» (ПВЛ. С. 114), «...уязвляху люди полотьскыя и его область» (ПВЛ. С. 141), «...поя своя люди, ростовци и суждалци» (ПВЛ. С. 170).

Для *локализации* тех или иных групп «людей» используются не только этнические, но и иные критерии. Пространственные: «на подольи не съдяху люде, но на горѣ» (ПВЛ. С. 40), «люде оная страны Днѣпра» (ПВЛ. С. 47), «въстужиша люде въ градѣ» (ПВЛ. С. 47), «люде въ градѣ кликнуша» (ПВЛ. С. 48); количественные: «...вдасъ Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ» (ПВЛ. С. 104), «другая половина людий» (ПВЛ. С. 114), «бѣ у нею людий инѣхъ 300» (ПВЛ. С. 117); локально-всеобщие (т. е. говорится о «всех» людях, но под «всеми» имеются в виду «все люди» того или иного локуса) — о солнечном затмении, которое могли видеть жители киевского региона говорится: «...бысть видити всѣмъ людемъ» (ПВЛ. С. 196), только киевляне имеются в виду в выражении «...вси люде ради быша, и мятежъ влече» (ПВЛ. С. 197) и т. п.

Денотат «люде»/«народ» присутствует в речевых ситуациях с *конфессиональными* значениями. «Люди» погрязли в язычестве: «...бяху бо люде погани и невѣигласи» (ПВЛ. С. 25), «...люде мои пагани и сынъ мой» (ПВЛ. С. 44), «...моляшеся за сына и за люди по вся ноци и дни» (ПВЛ. С. 46), «...творяше требу кумиромъ с людьми своими» (ПВЛ. С. 58), «...и кланяхуся люде, а Бога забыша» (ПВЛ. С. 68), «...плакахуся его невѣрнии люде» (ПВЛ. С. 80). Но для «людей» не закрыт путь к спасению: «...наречку не люди моя люди моя» (ПВЛ. С. 59), «...и нарече я в люди себе», «...наречь я люди своя» (ПВЛ. С. 65), «...крестившим же ся людемъ» (ПВЛ. С. 81). Прошедшие через крещение становятся «новыми людьми», о которых летописец говорит охотно и с радостью: «...призри на новыя люди сия» (ПВЛ. С. 81), «...возлюбн новыя люди» (ПВЛ. С. 82), «новии люде хрестьяньстии» (ПВЛ. С. 83), «новыя люди си» (ПВЛ. С. 85), «люди хрестьяны суца» (ПВЛ. С. 85), «новии люде» (ПВЛ. С. 90), «новыя люди хрестьяньскыя» (ПВЛ. С. 94), «поучашеся вѣрнии люде» (ПВЛ. С. 102). Крестившиеся люди получают силу бороться с «нечистым» врагом: «...врагъ сѣтовашеться, побѣждаемъ новыми людьми хрестьяньскими» (ПВЛ. С. 103), как, впрочем, и со всякими врагами: «...вѣрнии люде побѣждаютъ супостаты» (ПВЛ. С. 115). У «благоверных людей» появляются новые ценности: «...придоша и люде благовѣрнии, и взяша мощѣ Феодосьевы» (ПВЛ. С. 139). Любопытно, однако, отметить, что словом «народ» внутри сравнительного оборота обозначается и «нечистая сила»: «...в ноци прихожа-

ху к нему (Исакию. — *А. Ш.*), страхъ ему творяче в мечтѣ, яко се многоъ народъ, с Мотыками» (ПВЛ. С. 130), и сила ангельская: «...гласъ слова его, яко гласъ многога народа» (ПВЛ. С. 193, см. также С. 194).

Конфессиональное может соединяться с этническим: «...жряху ему людьє ноугородьстии аки богу» (ПВЛ. С. 56), «...видѣхъ бѣду людей моихъ въ Еюптѣ» (ПВЛ. С. 66), «...люди жидовьския, поиде от землѣ Еюпетьски» (ПВЛ. С. 67), «...сего бо в память держать русьстии людьє, поминающе святое крещенье» (ПВЛ. С. 90), «...скруши главы змиевыя, и даль еси сих брашно людем русьскимъ» (ПВЛ. С. 185). Этническая принадлежность «людьє» восстанавливается из контекста или из ситуации религиозной истории народа: «...возьропташа людьє на Бога» (ПВЛ. С. 67), «...призову ины люди, иже мене послушаютъ» (ПВЛ. С. 68), «...иже крестивься сам и люди своя» (ПВЛ. С. 89), «...помыслиль еси взити въ Ерусалимъ, зло створити ерѣмь Божимъ и к людемъ его» (ПВЛ. С. 189), «...и спасе Богъ люди своя» (ПВЛ. С. 192), «...обрѣзаном людемъ схранити повелѣ» (ПВЛ. С. 192), «...суть людьє жестокою выею» (ПВЛ. С. 194).

В текстах с религиозно-церковной семантикой слово «людьє» часто приближается к значению «народ» или даже «люди вообще»: «...възвѣстите во языцѣх славу Его, въ всѣхъ людехъ чюдеса Его» (ПВЛ. С. 82), «...хвалите Господа вси языци, и похвалите его вси людьє» (ПВЛ. С. 69), «...тако Богу возлюбившю новыя люди» (ПВЛ. С. 70), «...показа новымъ людемъ обновленьє» (ПВЛ. С. 72), «...повелѣша народу възвати: „Господи помилуй“» (ПВЛ. С. 121) и т. п. В сцене крещения киевлян в Днепре перед нами идиллическое согласие всего древнерусского общества: князя, бояр и людей. «Се слышавше людьє, с радостью идяху, радующесе и глаголюще: „Аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре прияли“. Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с корсуньскими на Днѣпръ, и снидесе бе-щисла людей. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же *по перси* от берега, друзии же *младенци* держаще, свершени же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ» (ПВЛ. С. 80—81). Впрочем, религиозные «требы» князь и «людьє» раньше совместно творили и Перуну: «...творяху потребы князь и людьє» (ПВЛ. С. 81).

Во время перенесения мощей святых Бориса и Глеба в 1115 г. о народе говорится как о множестве: «сшедшюся народу съ всихъ странъ», «и не бѣ лзѣ вести от множества народа», «страшно бяше видити народа множество». Чтобы иметь возможность проехать сквозь это людское множество, Владимир Мономах повелел «розметати народу» «паволокы, орници, бѣль», кстати, здесь же употребляется и слово «люди» как синонимичное слову «народ»: «...розметати народу, овъ же сребреникы метати людемъ, силно налегшимъ...» (ПВЛ. С. 199).

В мирской жизни «людьє» — это обычно *резонирующая среда*: «...плакашася людие вси плачем великимъ» (ПВЛ. С. 30); «...плакася по ней ... людьє вси плачемъ великомъ» (ПВЛ. С. 48); «...плакахуся его невѣрнии людьє» (ПВЛ. С. 80); «...се же увѣдѣвьше людьє, бе-щисла снидошася и плакашася по немъ» (ПВЛ. С. 89), и т. д. Подобные формулы должны были свидетельствовать о любви народа к князю и, следовательно, являться этикетными, но не во всех случаях летописец использует эту формулу.

Так, Всеволода Ярославича оплакивают его дети, Владимир с Ростиславом, а «прости людье» лишь участвуют в похоронах, об их плаче не говорится (ПВЛ. С. 142). Ничего не говорится об участии народа в похоронах Святослава Ярославича (ПВЛ. С. 131—132). Социально дифференцируется характер скорби по умершему князю: «...плакашася по немь, боляре аки заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя» (ПВЛ. С. 89).

Объектом, а не субъектом, действия оказывается «людье» в военных ситуациях: «...изнемогаху же людье гладомъ и водою» (ПВЛ. С. 47), «...изнемогаху въ градъ людье» (ПВЛ. С. 76, см. также С. 147, 150), «...падаху людье мнози» (ПВЛ. С. 53). Даже если в военных ситуациях люди выступают как субъект действия, тем не менее они — страдательный субъект: «...предатися хотягь людье печенѣгомъ» (ПВЛ. С. 47), «...побѣгоша людье изъ града» (ПВЛ. С. 43), «...бѣжать людье» (ПВЛ. С. 67), «...падаху людье мнози» (ПВЛ. С. 53), «...изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне» (ПВЛ. С. 116), «...бѣгоша людье огня» (ПВЛ. С. 177).

Людям сообщают о каких-либо событиях, обстоятельствах: «повѣдаша людемъ» (ПВЛ. С. 43, 58); люди насыпают курганную могилу: «повелѣ людемъ своимъ съсуги могилу велику» (ПВЛ. С. 41); людей можно натравить: «и науги люди» (ПВЛ. С. 58).

Люди — объект княжеской заботы (в основном в текстах, связанных с Владимиром Мономахом): «...сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати,⁶⁷ или на ловъ ѣхати...» (ПВЛ. С. 158), «...тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не даль есмь сильнымъ обидѣти» (ПВЛ. С. 163), «...хочем погубити смерды и ролью ихъ», «...начнетъ орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить ѣ стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его именемъ? То лошади жаль, а самого не жаль ли?» (ПВЛ. С. 183, см. также С. 190). Но и Мономах может сказать о смерде как о незначительной добыче: «...только семцю яша одного живого, ти смердъ нѣколико» (ПВЛ. С. 160). Боярин же (Туку) скажет о горожанах: «Видиши, княже, людье възвыли...» (ПВЛ. С. 114), высокомерие звучит в речи князя Олега Святославича: «Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердом» (ПВЛ. С. 150).

Однако «людье» способны стать и «действующим лицом»: «...людье же кликнуша, и идоша к порубу... людье же высѣкоша...» (ПВЛ. С. 114), «...рѣша Давыдови людье: „Выдай мужи сия...“ ...кликнуша людье на Давыда, и рекоша: „Выдай, кого ти хотягь“» (ПВЛ. С. 177), а в иных случаях «людье» поднимается на власть предержавших: «...вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя» (ПВЛ. С. 101). В этой связи можно отметить характерную дифференциацию в употреблении слова «людье»: о смерти князя плачут «вси людье», «людье бе-шисла», но когда «людье» восстает против князя, то летописец стремится точнее обозначить тех, кто восстает, как бы локализовать очаг восстания: «людье кыевстин» или просто «кыяне», когда, например, они после смерти Святополка пошли громить дворы богатеев и ростовщиков (ПВЛ. С. 196).

⁶⁷ Разбирать сложные дела, судить (Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): В 10 т. М., 2000. Т. 6. С. 144).

Наконец, «люди-народ» — это *высшая инстанция*, во имя которой и осуществляются деяния князей: «...възвратишася русьстии князи въсвоеси съ славою великою къ своимъ людемъ» (ПВЛ. С. 195). В уста Святополка и Владимира Мономаха летописец вкладывает фразу, из которой вырисовывается понимание структуры древнерусского общества его современниками. Князья хотят «положить порядъ» «о Русьстѣй земли»: «...пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отець наших, и пред людми градскими,⁶⁸ да быхом оборонили Русьскую землю от поганых» (ПВЛ. С. 150).

В ПВЛ есть одно место, где с необычайной искренностью и выразительностью проступает подлинная боль за судьбы простых людей, страдающих от половецких набегов. все более дерзких и безнаказанных в условиях нескончаемых распрей между князьями: «Половци же, приимше град, запалиша ѥ огнем, и люди раздѣлиша, и ведоша в вежѣ к сердоболем своимъ и сродником своимъ мьного роду хрестьяньска: стражюще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ, опустнѣвше лица, почернѣвше телесы; незнаемою страною. языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньем; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „Азь бѣхъ сего города“, и други: „А язъ сея вси (села. — *А. Ш.*)“; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышюче, очи возводяще на небо к Вышнему, свѣдущему тайная» (ПВЛ. С. 147).

Это, пожалуй, одно из самых патетических, искренних и сильных мест во всей ПВЛ, и посвящены эти строки, вырвавшиеся из сердца, народу.

Подведем некоторые итоги. Летописец изображает не столько людей, сколько события, вершителем же событий в летописном мире является князь. Поэтому понятно, что в исследованиях фигура князя в сущности исчерпывает «летописного человека». Целью настоящих заметок было показать, что это не совсем справедливо, ибо вокруг князя есть те, кто исполняет его волю. кто реагирует на его деяния, причем не всегда позитивно. По имеющимся в ПВЛ материалам ясно, что в XI в. и позже воеводы являлись, так сказать, высшими офицерами и чиновниками при князе. Таков, например, Ян Вышатич, четко осознающий свое служебное положение при князе Святославе и осуществляющий те или иные меры именем князя. Волхвы же, над которыми Ян чинил суд, еще, кажется, не осознали этих перемен в положении воеводы, полагали его суд незаконным и требовали княжеского суда. Для них авторитетен только сам князь, а не его служащие. Но тем самым волхвы исходят из архаических представлений о структуре власти: для них Ян — лицо автономное, волхвы полагают, что он решает их судьбы по собственной воле, и потому они пытаются апеллировать к высшей и другой — княжеской — власти. Волхвы еще не подозревают о сращении, о поглощении власти воеводы княжеской властью.

В прошлом воевода не был только «чиновником-исполнителем» при князе, воеводство времен Свенельда иначе соотносилось с княжеской властью. У Свенельда была своя собственная дружина, воинскому снаряже-

⁶⁸ Справедливости ради надо отметить, что сельское население в эту иерархическую структуру не входит, но во фрагменте, который мы приведем в завершение, граница между горожанином и селянином исчезает.

нию и богатству которой могла позавидовать дружина княжеская. Это явное свидетельство автономности Свенельда.

И все же в пределах материала ПВЛ воеводы не действуют самостоятельно, от своего имени. Исключение составляют действия посадника Константина, велевшего порубить ладьи Ярослава. Во всех остальных случаях воеводы действуют либо по прямому поручению князей, либо с их согласия, либо от их имени. Воевода может изменить своему патрону (Блуд), но с тем только, чтобы перейти к другому князю. Порей и Вышата бегут в Тмутаракань не самостоятельно, а сопровождая князя Ростислава.

Вследствие этого летописцы, писавшие историю государства, не оставались специально на фигурах воевод и посадников. Они появляются в рассказе летописца только там и тогда, когда с ними связывается какой-либо случай: военная хитрость Претича, шутка Добрыни о «лапотниках», похожая на поговорку, победа киевского воеводы над «пищаньцами», определенно породившая поговорку: «Пищаньци вольчья хвоста бѣгають». Акцент здесь приходится не на личность воеводы, а на особый, запоминающийся случай.

Наиболее полнокровно в ПВЛ обрисован воевода Ян Вышатич. В эпизоде расправы над волхвами передана не только событийная сторона дела, но и психологическая атмосфера, разные точки зрения, живые голоса участников событий, черты их характеров. Видимо, это связано с тем, что в основу описания положен рассказ участника события — самого воеводы Яна.

Боярство и дружина, по контекстам ПВЛ, — это та сила, которая вместе с князем формировала государственное, социальное и конфессиональное строение русского общества IX—XI вв. Никакое социально значимое деяние не обходилось без участия боярства/дружины. Во взаимоотношениях с институтом князя в пределах хронологии ПВЛ наблюдается определенная динамика: вместе с расслоением самой дружины на старшую и младшую увеличивалось социальное расстояние между князем и боярством/дружиной. Дружина — в высшей степени многозначное понятие, им именовались не только самые разнообразные организационные структуры, воинские и невоинские, но это и некое ментально-моральное понятие: дружина — носитель новой, государственной, традиции, чести и славы, религии, юридических норм древнерусского общества.⁶⁹

Народ в ПВЛ не становится объектом самостоятельного изображения, народ/людье — это либо объект действий князя и его чиновников, либо это резонирующая среда. В редких случаях народ становится субъектом деяния, главным образом в ситуациях бунта.

Таково «окружение князя» — главной фигуры летописного повествования.

⁶⁹ О том, что именно дружина была тем институтом и той силой, на которую княжеская власть опиралась в перестройке общества от родовых учреждений к государственным, см.: *Никольский С. Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси. С. 5—48.